

- географической комиссией. Т. VIII. СПб., 1884. 639 с.
- Русско-монгольские отношения. 1607–1636.* Сборник документов / сост. Л. М. Гагаулина и др. М., 1959. 350 с.
- Русско-монгольские отношения. 1636–1654.* Сборник документов / сост. М. И. Гольман, Г. И. Слесарчук. М., 1974. 469 с.
- Русско-монгольские отношения. 1654–1685.* Сборник документов / сост. Г. И. Слесарчук. М., 1996. 560 с.
- Рычков П. И.* Топография Оренбургской губернии. Уфа: Китап, 1999. 312 с.
- Сибирские летописи.* СПб.: Импер. Археографическая комиссия, 1907. 464 с.
- Сперанский М. Н.* Повесть о городах Таре и Тюмени // Труды Комиссии по древнерусской литературе. Т. I. Л.: АН СССР, 1932. С. 101–132.
- Уманский А. П.* Телеуты и сибирские татары в XVII веке (очерк внешнеполитических отношений) // Ученые записки Барнаульского государственного педагогического института. Т. 18. Барнаул, 1973. С. 106–130.
- Уманский А. П.* Телеуты и русские в XVII–XVIII веках. Новосибирск: Наука, 1980. 296 с.
- Устогов Н. В.* Башкирское восстание 1662–1664 гг. // Исторические записки. Т. 24. М., 1947. С. 30–110.
- Khodarkovsky M.* Where Two Worlds Met. The Russian State and the Kalmyk Nomads, 1600–1771. Ithaca; London, 1992. 279 p.

УДК 94(470)

ББК 63.3 (2)46

ХАН АЮКА: ПЕРВЫЕ ГОДЫ ПРАВЛЕНИЯ

В. Т. Тепкеев

Личность хана Аюки занимает особое место в истории калмыцкого народа. Политическая деятельность и личные качества получили Аюки весьма высокую, но вместе с тем противоречивую оценку в историографии. Его первые самостоятельные шаги происходили в условиях сложной внутри- и внешнеполитической обстановки того времени.

В историографии можно найти отрывочные сведения об этом периоде его жизни¹. В данной работе дается наиболее полная историческая картина первых шагов Аюки в качестве правителя формирующегося Калмыцкого ханства, в хронологической последовательности на основе уже известных и недавно открытых архивных материалов.

¹ Впервые имя Аюки в русских документах встречается в начале 1660-х гг., и связано это было с заключением шерты в декабре 1661 г., когда главными действующими лицами этого русско-калмыцкого соглашения выступили астраханский воевода князь Григорий Сунчалеевич Черкасский и торгутский тайша Мончак (Пунцуг). Своего рода гарантией заключенного договора, особенно в условиях продолжавшейся Русско-польской войны 1654–1667 гг., должен был послужить брак между Обелханой Муцаловной Черкасской, племянницей Г. С. Черкасского, и Аюкой, сыном Мончака. Однако в течение 1660-х гг. имя Аюки уже не встречается в русских документах: скорее всего, он находился в тени своего отца и поэтому практически не имел никакого политического веса. Жизнь Аюки кардинальным образом изменилась именно со смертью Мончака, что повлекло за собой в первую очередь изменение политической обстановки в ойратском сообществе.

Калмыцкое общество, наряду с российским государством, на рубеже 1660–1670-х гг. также переживало внутренний политический кризис. Потерпев поражение в борьбе за верховенство в хошутском доме, тайша Аблай со своим улусом вслед за дядей Кунделен-Убаши откочевал с территории Среднего Прииртышья в западном направлении. В историографии устоялось мнение, что целью хошутского тайши было добиться возвращения торгутов на их старые кочевья на территории Юго-Западной Сибири. Но в случае с Аблаем имеет место настоящая экспансия хошутов, их наступление на позиции торгутов в Северном Прикаспии. Перед Аблаем, видимо, стояла вполне определенная задача: подчинить и захватить кочевья волжских калмыков [Тепкеев 2008: 32].

Сведения о вспыхнувшем на юге России восстании Степана Разина, вероятно, дали Аблаю основание считать, что царское правительство, занятое своими проблемами, не будет активно вмешиваться во внутрикалмыцкие дела. Примерно во второй половине 1669 г. происходит объединение двух ойратских групп: улусов хошутского Кунделена-Убаши с дербетскими, откочевавшими из Юго-Западной Сибири в степи Северного Прикаспия еще в начале 1660-х гг., и новоприбывшего со своим улусом хошутского тайши Аблая. Первой жертвой их совместного нападения стал улус дербетского тайши Даян-Омбо, видимо, из-за отказа от участия в коалиции. Далее удар объединен-

ных сил чакарцев был уже нанесен непосредственно по торгутским улусам на Яике [Раднабхадра 1999: 92; Норбо 1999: 107].

Смерть Мончака, по всей вероятности, произошла в результате этих событий, но при каких обстоятельствах, к сожалению, в русских и калмыцких источниках подробные сведения отсутствуют. Совсем немного их дополняют сообщения П. С. Палласа, имевшего возможность непосредственного общения с калмыками в XVIII в. Со слов калмыцких информантов ему стало известно, что Аблай захватил в плен отца Аюки, Мончака, в районе яйцких степей [Pallas 1776: 28]. Неизвестно, погиб ли Мончак в бою или плену и имел ли к этому отношение Аблай, но нахождение в живых предводителя волжских калмыков не способствовало укреплению власти самого хошутского правителя в Северном Прикаспии.

Данные о вышеизложенных событиях в некоторой мере дополняют и недавно выявленные сведения из русских архивных документов. Примерно на рубеже 1670 и 1671 гг. в Москву от Аюки и Солом-Церена прибыл калмыцкий посланец Юмай-дархан. Именно из его показаний стало известно, что на момент вторжения Аблая на территорию торгутских кочевий Дайчин совместно со своим внуком Назар-Мамутом (сыном покойного Нима-Церена) кочевал на Яике выше Индерских гор. Ориентировочно зимой 1670–1671 гг. в этот район и вторгся Аблай, «а с ним кошоуцкие и дербенские тайши» [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1673 г. Д. 1. Л. 56]. Общая численность объединенного хошутско-дербетского войска, по сведениям Юмай-дархана, составляла 40 тыс. человек. Поскольку в это время основные силы волжских калмыков под командованием Аюки и Солом-Церена находились в военном походе против ногайского Ямгурчи-мирзы, который незадолго до этого увел к себе на Кубань значительное число калмыцких ногаев, то это позволило создать ситуацию, когда вторгшиеся на территорию волжских калмыков хошуты и дербеты «Дайчина со всеми улусы загнали к себе без бою» [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1673 г. Д. 1. Л. 57]. Узнав о приходе войска Аблая, Аюка срочно привел все свои имеющиеся военные силы к Волге, где ожидал нового прихода хошутского войска, вероятно, для решающего сражения. Но поскольку Аблай не явился в назначенное место, Аюка и Солом-Церен увели свои улусы

в степи Придонья, в район рек Иловли и Юлы. Юмай-дархан от лица Аюки просил царское правительство предоставить военную помощь против Аблая, а также жалование, «что давано было отцу иво [Аюки], давать матери иво» [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1673 г. Д. 1. Л. 58].

Аблай со своей стороны также предпринял энергичные шаги на дипломатическом поприще, отправив в Москву уже своего посла с письменным извещением о том, что он с сыном Цаганом и Эрке-ламой захватил улусы Дайчина и Назар-Мамута, а Аюка, якобы, «с малыми людьми» бежал на правый берег Волги. Хошутский тайша требовал присылать из Москвы жалование, ранее выдаваемое Дайчину и Мончаку, только ему [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1673 г. Д. 1. Л. 59]. Надо отметить, что послы Аюки и Аблая в одно и то же время находились в Москве и вели друг против друга закулисную игру, чтобы заручиться поддержкой царского правительства в пользу своих владельцев. О примирении сторон, на чем настаивала Москва, не могло быть и речи: в Северном Прикаспии в этот момент происходила постепенная смена власти торгутского правящего дома на хошутский.

Указанные события повлекли за собой новый всплеск вынужденных миграций, внутренних усобиц, и, как отмечали многочисленные свидетели того времени, у калмыков происходили «межусобье и бои великие и сеча большая» [Крестьянская война ... 1954: 213–214]. Кризис в правящем торгутском доме, последовавший после смерти Мончака и пленения Дайчина, поднял и вопрос преемственности. Кандидатура молодого и амбициозного Аюки, видимо, устраивала далеко не всех старших тайшей. По мнению В. И. Колесника, не все были согласны с автоматическим наследованием по прямой нисходящей линии от Мончака к Аюке [Колесник 2003: 96].

Калмыцкий историк XVIII в. Габан Шараб упоминает в своей летописи, правда без подробностей и указаний на дату, о враждебных действиях против Аюки бывших соратников его отца — Солом-Церена и Батура [Габан Шараб 2003: 103]. Русские документы конца XVII в. показывают отдельные моменты из взаимоотношений Аюки с дербетским Солом-Цереном за указанный период. В 1699 г. Мунко-Темир, второй сын Солом-Церена, в своем письме в Москву сообщал о времени, когда хошутский Аблай «Мунчака

тайшу разорил». Именно после этого события Аюка и Солом-Церен ушли со своими улусами кочевать на Дон, где между ними, видимо, и произошел тот самый конфликт, на который указывает в своей летописи Габан Шараб. Суть его заключалась в том, что Аюка после погрома Аблаем торгутских улусов замыслил уйти в крымские владения, по всей видимости, к уже находившемуся там с 1664 г. двоюродному дяде Дугару. Но Солом-Церен начал его отговаривать от такой идеи, предлагая взамен и дальше верно служить московскому государю. Со слов Мунко-Темира, именно за это Аюка, «сложась с сыном иво Солом Сереневым, ево Солом Сереня разорил»² [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1699 г. Д. 6. Л. 8–9].

Ранней весной 1670 г. к Дугару под Азов от Аюки откочевал и его брат тайша Бок. Причиной ухода, как стало известно из сведений, полученных казаками, послужило убийство им некоего «свойственника» Мончака. Общая численность сил двух тайшей под Азовом составила около 10 тыс. калмыков и ногаев [Крестьянская война ... 1954: 206; РГАДА. Ф. 111 (Донские дела). Оп. 1. 1669 г. Д. 12. Л. 72; Новосельский 1994: 104].

Несмотря на внутренние неурядицы, волжские калмыки оставались верны договоренностям с царским правительством. Летом 1670 г. Аюка и Батур с 20-тысячным войском по государеву указу двинулись на повстанцев Разина. 2-тысячный отряд дербетского тайши Даши контролировал окрестности мятежного Царицына. Перед дербетским отрядом, находившимся на заставе между Царицыным и Паншиным, стояла задача: не пропустить казаков, направлявшихся с Дона на соединение к Разину. Но их успешные действия продолжались до тех пор, пока 7 июля здесь не появилось 4-тысячное войско мятежных тайшей Дугара и Бока (совместно с азовцами и крымцами), направлявшееся по левобережью Дона в набег на южные окраины России. В результате неравного боя в районе между Царицыным

² Под сыном Солом-Церена здесь имеется в виду его старший сын Даши. Таким образом, мы видим, что Аюка и Даши, как люди одного молодого поколения, воспользовались сложившимся политическим кризисом и попытались отодвинуть на второй план представителей старшего поколения, захватив власть в собственных владениях. Однако в случае Даши попытка окончательного захвата власти в дербетском улусе не получилась, поскольку он вскоре погиб летом 1670 г. в одном из сражений на Дону с крымско-калмыцким отрядом Дугара.

и Пятиизбенской дербетская застава была полностью разбита, погибли Даши и полторы тысячи его людей. Остальные смогли уйти через Волгу к реке Камышинке и вернуться к Солом-Церену [Крестьянская война ... 1954: 185, 213–214, 232, 234]. Действия Дугара и Бока летом 1670 г. на Дону невольно помогли повстанцам в расширении района своих действий и пополнении из числа донского казачества.

В июле 1670 г. Аюка со своим войском находился в 60 верстах ниже Черного Яра на луговой стороне Волги. В разговоре со стрелецким сотником Гурием Ломакиным Аюка сообщил об измене астраханского отряда, с которым калмыки шли на соединение для совместного удара по повстанцам. Переход на сторону С. Разина астраханских стрельцов и выдача ими воеводы Семена Львова фактически оставили калмыков один на один с повстанцами. Аюка просил Москву о том, чтобы прислали новые войсковые подкрепления, и наметил общий сбор на урочище Ураков Караул в 20 верстах выше от реки Камышинка. Тайша еще раз заверил, что «вопче с твоими великого государя ратными людьми служить и радеть и над богоотступным вором, над Стенькою Разиным, всякими промыслы промышлять рад» [Крестьянская война ... 1954: 225–226].

Во время подавления правительственными войсками разинского восстания Аюка попытался все же урегулировать свои сильно подорванные на тот момент отношения с донскими казаками. Весной 1671 г. калмыцкий тайша с улусами кочевал вверх по Дону в районе казачьего городка Курман Яр, откуда дважды отправлял к атаманам своих представителей. В результате переговоров стороны заключили шертъ, подтвердив прежние договоренности и предопределив возможные последующие действия: «А которые их калмыцкие люди, прикочевав, похотят у них жить на Дону, и за тех людей не стоять и у них, казаков, назад не просить. И живучи, им меж собою никаких обид не чинить, а если кому какая обида учинитца, и им про то на обе стороны разыскивать вправду» [Цит. по: Шовунов 1992: 33]. Данное соглашение также свидетельствует и о появлении с этого времени первых калмыцких поселенцев в составе донского казачества.

Калмыцкая «оппозиция» в лице тайшей Дугара и Бока, кочевавших со своими улусами в междуречье Кагальника и Маныча, отправила посланцев к Аюке и Батуре с

просьбой, что «хотят великому государю служить же с ними вместе». Причиной смены их антироссийских настроений послужило возникшее недоверие к ним турков, подозревавших их в постоянных контактах с другими тайшами и на этом основании не пускавших калмыков в Азов. Объединение тайшей (как показали дальнейшие события, оно носило только временный характер) было направлено, в первую очередь, на возвращение 40 тыс. ногаев, ушедших от калмыков на Кубань. Неоднократные обращения Аюки, Солом-Церена и Батура к донским атаманам за военной помощью в итоге получили поддержку, и 300 казаков совместно с калмыками Аюки, Дугара и Бока направились в «Ногайские горы» на Кубани, расположенные в двух неделях пути от Дона. В результате совместного похода летом ногайские улусы с пятью мирзами были возвращены с Кубани в калмыцкие кочевья. Тайши, как отмечали очевидцы, находились между собой летом 1671 г. «все в дружбе» и располагались кочевьями по рекам Маныч, Егорлык и Калаус [Тепкеев 2008: 34].

Ситуация между двумя враждующими калмыцкими группами в волго-яицком междуречье зимой 1671–1672 гг. накалялась, о чем не преминул сообщить в своем донесении боярин И. Б. Милославский³. Сын Аблая, Чаган, с 30-тысячным войском подошел к реке Ахтубе в трех днях пути от Астрахани с целью окончательно разгромить силы Аюки. Из расспросов астраханских станичников было известно, что Аюка также вышел из улусов с войском и находился в районе Нарын-песков [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1673 г. Д. 5. Л. 62]. Консолидовав оставшиеся после разгрома улусы и помирившись с Дугаром и Боком, Аюка решил взять реванш у Аблая. Во многом эту задачу ему упростило и то обстоятельство, что недавние союзники Аблая отошли от него и вернулись на свои старые кочевья на востоке. В «Биографии Зая-пандиты» прямо указывается, что во время зимовки на Яике у Аблая произошел конфликт с сыновьями Кунделен-Убаши и дербетскими тайшами, которые были недовольны, по их мнению,

³ Царское правительство во время подавления восстания С. Разина на юге России не могло в полной мере вмешаться во внутрикалмыцкие дела. В архивных документах впервые удалось обнаружить сведения об официальной реакции царских властей на последние события среди калмыков, последовавшей уже после подавления разинского выступления. Они, несомненно, представляют огромный интерес.

несправедливым разделом имущества, захваченного у торгутов [Норбо 1999: 107].

В январе 1672 г. из Москвы через Эрке-ламу был прислан письменный ответ хошутским тайшам Аблаю и Чагану, где, в частности, сообщалось: «Ведомо великому государю его царскому величеству учинилось, что Аблая тайши сын, Чаган, идет войною на подданных его царского величества на калмыцких на Аюкая, и на Солом Сереня, и на иных тайшей, а те тайши великому государю его царскому величеству служат и во всем его государское повеленье исполняют и кочуют под его государскою самодержавною рукою. И они б, Аблай и сын ево Чаган тайши, на подданных царского величества на калмыцких Аюкая и на Солом Сереня, и на иных тайшей войною не ходили и жили б с ними в миру и в совете» [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1673 г. Д. 5. Л. 63]. Далее в письме хошутским тайшам предлагалось со своими войсками совместно с Аюкой направиться на войну против крымского хана, который, по сведениям царского правительства, вышел с территории полуострова и находился с армией на Кубани. Примерно такой же царский ответ был доставлен и Аюке. Реакция послов Аюки на подобное предложение нам неизвестна, но посол Аблая согласился с мирной инициативой Москвы, и, как он сам ответил, «на крымского хана войною [хошуты] итти ради» [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1673 г. Д. 5. Л. 64–65].

В отдельной инструкции на имя только что назначенного в Астрахань воеводой кн. Якова Никитича Одоевского указывалось, что в случае, если тайша Аблай и дальше будет упорствовать в решении территориального вопроса, всячески его убеждать кочевать на дальних кочевьях между Яиком и Тоболом, поскольку в районе Астрахани у его улусных людей могли бы возникнуть ссоры с русским населением [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1673 г. Д. 5. Л. 68]. Из вышеизложенных сведений видно, что Москва не стремилась однозначно принять сторону своих подданных, Аюки и Солом-Церена, в их конфликте с хошутскими тайшами, пытаясь использовать военный потенциал обеих сторон в свою пользу. Данное обстоятельство толкало Аюку к принятию собственного решения, особо не рассчитывая на помощь царского правительства.

Другой противник Аблая, хошутский Очирту, воспользовался ситуацией и из Джунгарии совершил молниеносный рейд

на север, разгромив и подчинив себе улусы Кунделен-Убаши, Доржи и дербетских тайшей. В числе захваченных оказался и его дядя по матери — торгутский тайша Дайчин [Норбо 1999: 107]. В результате одержанной громкой победы Очирту стал именоваться новым титулом *Цецен-хан*, которым он именуется себя в своих письмах русскому царю в сентябре 1673 г. [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1674 г. Д. 2. Л. 7]. Поскольку Очирту Цецен-хан приходился тестем Аюке, который был женат на его дочери Эренцен, то можно предположить, что военные действия Цецен-хана были направлены на то, чтобы в какой-то мере оказать помощь своему молодому зятю.

В начале 1672 г., в месяц Цаган сар, Аюка со своим войском и союзниками, в числе которых был и его свояк, князь Каспулат Черкасский с кабардинцами, совершил поход на Яик, полностью разгромив войско Аблая. Хошутский тайша с семьей был пленен и первое время содержался под арестом на Тереке под присмотром кабардинских родственников Аюки. В 1672 г. пленники были переданы в Астрахань. Дальнейшая судьба Аблая в русских источниках противоречива. Г. Ф. Миллер сообщает, что тайша в Астрахани, «сидя в тюрьме городской стене в башне, умер» [Материалы ... 1996: 245]. По другим данным, хошутский тайша вместе с семьей был отправлен в Москву, где скончался в 1674 г. В августе 1672 г. послы Очирту Цецен-хана официально обращались к властям в Tobольске с требованием выдать ему Аблая [Материалы ... 1996: 445]. П. С. Паллас, основываясь на преданиях калмыков XVIII в., в своей работе утверждает, что Аблай скончался в калмыцком плену на р. Сал, одном из притоков Дона⁴.

После победы над Аблаем⁵ среди торгутских тайшей по неизвестным причинам вспыхнул новый конфликт. Весной 1672 г.

⁴ Причем, до того как попасть в плен в руки торгутов, он находился на горе *Чир-Тумер-ула*, которая, по мнению П. С. Палласа, возможно, являлась частью Мугоджарских гор [Pallas 1776: 28].

⁵ Аблай сохранился в калмыцкой исторической памяти как тайша, потерявший свой улус «за умножившуюся в нем зависть» [Габан Шараб 2003: 96]. Что касается сына Аблая Цагана, то из новых сведений стало известно, что он не был выдан торгутами русским властям, а получил возможность уйти со своим улусом к Очирту Цецен-хану. В 1673 г. дербетский тайша Дондук сообщал в Tobольске о ссоре Цагана с Цецен-ханом и об уходе его к хану Тевке (Тауке) в Казахскую орду, где он вскоре скончался [Дополнения к Актам ... 1857: 282].

Аюка сообщал царицынскому воеводе Д. Свищову, что Дугар «великому государю изменил» и направляется к крымскому хану [РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1671 г. Д. 1. Л. 115–116]. На этом основании он просил казаков не пропускать ушедших калмыков через Дон. Причем у Дугара находилось в подчинении примерно 15 тыс. улусных людей, в том числе и люди умершего к тому времени Бока. Когда же летом Дугар прикочевал на Дон, то он дважды отправлял своих послов к атаманам с предложением «быть у великого государя под рукою» [РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1672 г. Д. 11. Л. 4–5], ходить войной на Крым и Азов. Когда же донские казаки предложили Дугару совместный поход под Азов, то тайша отказался и со своими калмыками и ногаями ушел в горы [РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1672 г. Д. 9. Л. 15, 17].

В июне 1672 г. Аюка с другими тайшами кочевал на луговой стороне Волги возле Саратова и активно торговал с местными жителями, как отмечали очевидцы, «а дурна от них никакова нет» [РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1672 г. Д. 1. Л. 13]. Но под Черным Яром у его калмыков произошел конфликт с местными жителями, о чем он сообщил на Дон. Тайша, несмотря на возникшие внутрикалмыцкие неурядицы, продолжал придерживаться договоренностей с московским правительством⁶, заключенных его покойным отцом.

Но для восстановления полноценных русско-калмыцких отношений требовались более серьезные шаги. Толчком к возобновлению этих самых отношений послужил приезд летом 1672 г. в Москву калмыцких послов во главе с Юмай-дарханом. В царской грамоте калмыцким тайшам от

⁶ Международная ситуация в Восточной Европе продолжала оставаться сложной, и у Московского государства после подавления восстания С. Разина все еще существовала напряженность на границе с Крымским ханством. Поэтому для Москвы оставалась актуальной проблемой организация новых совместных походов казаков и калмыков против татар. Еще весной 1672 г. тайша отправил к Перекопу 260 калмыков для захвата «языков». Затем в июне они же совместно с казаками совершили еще один поход под Калачинские башни для захвата малибашских татар, ранее находившихся в подчинении у покойного тайши Бока и направившихся к крымскому хану. 29 октября на Дон от Аюки пришел отряд в 200 человек под командой Будачери. Совместно с казаками атамана Корнилы Яковлева они совершили поход под Азов, побив множество азовцев и захватив в плен 48 человек [РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1671 г. Д. 1. Л. 113–115; РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1672 г. Д. 11. Л. 5, 7–8; РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1672 г. Д. 1. Л. 13].

6 июля поощрялась их дальнейшая служба государю, а Аюке была обещана всемерная поддержка со стороны царского правительства [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1672 г. Д. 1. Л. 1–4]. Аюка, кочевавший в это время со своими улусами близ Царицына в верховьях реки Сарпы и озера Цаган-нур, в письме подтвердил желание и дальше верно служить государю, как и его дед Дайчин и отец Мончак, «а будет де он не годен, и он де, Аюка тайша, с калмыцкими своими людьми учнет кочевать о себе» [Посольские книги ... 2003: 12]. Но, по мнению тайши, русско-калмыцким отношениям должным образом мешали развивавшиеся продолжающиеся инциденты. Например, ехавший из Астрахани с отрядом боярин и воевода И. Б. Милославский между Черным Яром и Царицыным разгромил один из калмыцких улусов, захватив 15 человек и 50 голов скота. Аюка не без основания интересовался, «по государеву указу это сделано» или нет, поскольку «никакова дурна с калмыцкими своими людьми не учинил» [Посольские книги ... 2003: 12–13]. Тайша просил правительство выслать к нему его годовое жалование «против прежнего», в противном случае «он де, Аюка тайша, не ваш» [Посольские книги ... 2003: 13]. Письмо Аюки на калмыцком языке, адресованное государю, и его перевод затем были отправлены воеводами в Москву. Однако тайша категорически был против, чтобы в работе предстоящего русско-калмыцкого съезда обсуждались вопросы только материального характера, поскольку рассматривал будущее мероприятие как возможность заключить военно-политическое соглашение [Посольские книги ... 2003: 14].

В это время калмыки совершили крупный военный поход на Северный Кавказ для укрепления своих пошатнувшихся здесь позиций и возвращения ушедших сюда калмыцких ногаев. Мирзы обязаны были теперь кочевать совместно с калмыками, а с крымским ханом «не ссылатися», в чем и дали шерть [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1672 г. Д. 1. Л. 12]. Казыевские мирзы Арсланбек и другие отдали калмыкам в аманаты своих детей (5 человек), кабардинские князья по договору обязались «впредь ему Аюкаю тайше с них имати на год по 15 девок» [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1672 г. Д. 1. Л. 13]. Отсюда Аюка планировал по просьбе донских казаков совершить военный поход под Крым

и Азов, а затем вернуться к Астрахани на предстоящий русско-калмыцкий съезд, обещая, что он «и прежнюю шерть отца своего Мончака тайши подкрепит и в совете и в любви... быть душою своею рад» [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1672 г. Д. 1. Л. 14]. Бежавший в крымские владения Дугар вернулся обратно к калмыкам, но, как доносил Аюка, только «для проведыванья вестей и для обману и воровства» [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1672 г. Д. 1. Л. 14–15]. При попытке к бегству мятежный тайша был арестован и вместе с хошутским Аблаем и крымским послом находился под арестом [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1672 г. Д. 1. Л. 12–15].

Со своей стороны К. М. Черкасский также предпринял активные политические шаги, когда 20 января князь встретился с Аюкой на реке Кизляр, всячески убеждая тайшу прибыть на встречу с царскими представителями для заключения возле Астрахани соглашения. Именно К. М. Черкасскому пришла идея предложить Аюке взять сначала жалованье за 1673 г. и уже на предстоящем съезде договариваться о выплате жалованья за предыдущие годы. Подобное предложение вызвало одобрение со стороны Аюки, о чем К. М. Черкасский письменно дал знать астраханским воеводам. И, действительно, вскоре после получения письма от князя в калмыцкие улусы были отправлены с жалованьем за 1673 г. казанец М. Бараков, подьячий и толмач в сопровождении 20 стрельцов и служилых татар. Посланцы также привезли Аюке от воевод письмо, в котором вновь предлагалось встретиться возле Астрахани для подтверждения прежней шерти его отца Мончака [Посольские книги ... 2003: 30–31]. Все эти меры позволили сдвинуть переговорный процесс в положительную сторону и преодолеть существовавшее на тот момент обоюдное недоверие сторон.

Аюка заверил царских представителей в незыблемости прежних договоренностей, заключенных его дедом Дайчином и отцом Мончаком. В подтверждение своих слов Аюка в присутствии боярина и воевод, взяв в руки *бурхан*, *четки* и *бичик*, от лица всех калмыцких владельцев еще раз устно шертовал в вечной верности государю и его детям. Тайша также обязался выставить войска против Крыма [Посольские книги ... 2003: 41–46].

Переговоры касались многих вопросов русско-калмыцких отношений, и практиче-

ски все они решились положительно. Затем последовала непосредственно сама процедура подписания тайшами шерти. Аюка, вынув саблю из ножен и приложив ее к своей голове и горлу, сказал: «будет де шерть прежнюю и нынешнюю чем нарушим, и та де сабля буди на мне и на моих братьях, и на племянниках, и на всех наших улусных людях» [Посольские книги ... 2003: 57]. На этом все присутствующие тайши и их родственные и владетельные люди приложили свои руки к шертной записи⁷ [Посольские книги ... 2003: 57].

В обстановке надвигавшейся русско-турецкой войны калмыцкий тайша принимал на себя обязательство участвовать по царскому указу в военных походах против Крымского ханства и иных «государевых непослушников» [Посольские книги ... 2003: 61]. Но Аюка, перед тем как выступить на Крым, планировал весной отправить войска против кумыкских владельцев за их «многие неправды», о чем были поставлены в известность и царские представители [Посольские книги ... 2003: 62].

Шерть 1673 г. подкреплялась клятвой Аюки следующими словами: «...а у него, великого государя, в послушанье быть не учнем и шерть свою и утверждение прежнее и нынешнее чем-нибудь нарушим, и на нас, тайшах, и на наших детях, и на мурзах, и на их детях, и на всех улусных людей буди божий гнев и огненный меч, и тою саблею, которую я, Аюка тайша, выняв из ножен, на голову и к горлу прикладывал, от неприятеля своего буду я зарезан по горлу своему, и будем мы прокляты по своей калмыцкой вере в сем веце [веке] и в будущем» [Посольские книги ... 2003: 63].

⁷ Шерть начиналась словами: «Яз, Аюка тайша Мончаков, даю шерть великому государю царю и великому князю Алексею Михайловичу...» [Посольские книги ... 2003: 57–58]. Аюка в присутствии своих двоюродных братьев Назар-Мамута и Мелеша единолично выступает от лица всего калмыцкого народа, а также кочевавших с ним совместно едисанских, джемболукских, малибашских и келечинских мирз. Аюка лично не подписывался под шертью, за него это сделали его представители: двоюродный брат Назар-Мамут и Цецен-Запсан-бакши. Официальная процедура подписания шерти завершилась торжественным обедом, устроенным астраханскими воеводами. Начальная формулировка шерти ясно показывала единоличное правление Аюки как продолжение политики его отца Мончака. Во многом шерть от 27 февраля 1673 г. повторяла условия предыдущей шерти от 9 декабря 1661 г., когда Мончак также единолично шертовал за весь свой подвластный народ на верность московскому царю.

На следующий день, 28 февраля, из Астрахани к тайшам отправили дьяка П. Самойлова с государевым жалованьем, состоящим из продуктов (вино, мед, пиво, хлеб, калачи), табака, шуб и шапок, для ближних их владетельных людей предназначались сукно, меха выдры и кожа. 1 марта воеводы отправили Аюке уже денежное жалованье в 580 руб. за предыдущий 1672 г. Уже 2 марта калмыцкая делегация выехала на реку Кума, где оставались их улусы [Посольские книги ... 2003: 66–67]. Следующая шерть была дана Аюкой в 1677 г., и связана она со смертью в 1676 г. царя Алексея Михайловича и восшествием на престол его сына Федора Алексеевича.

В правительственных кругах серьезно восприняли такой поворот событий, и в документальных актах сохранились царские грамоты от 19 марта, 5 и 20 мая, 17 июня в адрес астраханского воеводы Я. Н. Одоевского, которому указывалось всячески призывать Аюку и других калмыцких тайшей переходить с улусами ближе к Дону, куда уже прибыл с войском воевода И. С. Хитрово. Планировался совместный русско-калмыцкий поход на Крым, где Аюке предлагалось, чтобы он «над турскими войски и над Крымом и над крымскими юрты всякой промысл и поиск чинил» [Акты исторические ... 1842: 504].

Летом 1673 г. калмыцкие улусы кочевали в районе реки Медведица в 130 верстах от Саратова. 29 июня Саратов прибыл из калмыцких улусов представитель К. М. Черкасского, уздень Шахсаур Амралиев, сообщивший, что ориентировочно с конца весны и начала лета 1673 г. Аюка отправил на войну против Крыма 10-тысячное войско, причем в его состав входили и ногайские части мирз Ислама и Бегиша Ямгурчиева [Посольские книги ... 2003: 71–72]. 5 августа воевода И. С. Хитрово, под командой которого находилось примерно 5 тыс. стрельцов и 5 тыс. казаков, начал военные действия с осады и штурма двух башен-каланчей, запиравших вход в устье Дона, но туркам удалось отстоять башни [Загоровский 1980: 83]. Не достигнув видимых результатов, русское командование завершило военные действия 1673 г. на азовском направлении, а калмыки вернулись в свои улусы.

Таким образом, мы видим, что Аюке в конечном итоге удалось ликвидировать все

препятствия на пути преодоления политического кризиса в калмыцком обществе. Успешное подавление сопротивления внутренней оппозиции и внешних врагов помогло ему привлечь симпатии калмыцкого народа, особенно старших тайшей, поначалу относившихся к нему с недоверием. Укрепление русско-калмыцких отношений стало своего рода продолжением политики Дайчина и Мончака, видевших в этом главную гарантию безопасности калмыцких кочевий.

Шерть 1673 г. открыла новый этап в истории русско-калмыцких отношений XVII в. Она во многом по характеру и содержанию не отличалась от предыдущих подобных документов, но обе стороны после непродолжительного политического кризиса на юге России и в калмыцком обществе смогли достичь соглашения, используя уже накопленный опыт предыдущих поколений. Следование традиции взаимной поддержки в условиях сложной международной ситуации в Восточной Европе предопределило укрепление позиции России в этом регионе, а калмыцкое общество обрело на некоторое время внутреннюю стабильность.

Список источников

Российский государственный архив древних актов (РГАДА).

Литература

Акты исторические, собранные и изданные Археологической комиссией. Т. 4. 1645–1676. СПб., 1842.

Габан Шараб. Сказание об ойратах (Калмыцкая летопись) // Лунный свет: Калмыцкие историко-

литературные памятники / сост., ред., предисл., коммент. А. В. Бадмаева. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2003. С. 80–107.

Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археологической комиссией. Т. 6. СПб., 1857.

Загоровский В. П. Изюмская черта. Воронеж: Изд-во Воронежск. ун-та, 1980. 239 с.

Колесник В. И. Последнее великое кочевье: Переход калмыков из Центральной Азии в Восточную Европу и обратно в XVII и XVIII веках. М.: Вост. лит., 2003. 285 с.

Крестьянская война под предводительством Степана Разина. Сборник документов. Т. 1. 1666 — июнь 1670 гг. / сост. Е. А. Швецова. М.: Наука, 1954. 323 с.

Материалы по истории русско-монгольских отношений. 1654–1685: сб. документов / сост. Г. И. Слесарчук. М.: Вост. лит., 1996. 360 с.

Новосельский А. А. Исследования по истории эпохи феодализма (научное наследие). М.: Наука, 1994. 223 с.

Норбо Ш. Зая-Пандита (материалы к биографии) / пер. со старомонг. яз. Д. Н. Музраевой, К. В. Орловой, В. П. Санчирова. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1999. 335 с.

Посольские книги по связям России с Калмыцким ханством. 1672–1675 гг. / сост. Н. М. Рогожин, М. М. Батмаев. Элиста: АПП «Джангар», 2003. 315 с.

Раднабхадра. «Лунный свет»: История рабджам Заяпандиты / пер. с ойрат. яз. Г. Н. Румынцева и А. Г. Сазыкина. СПб.: Петербург. Востоковед., 1999. 176 с.

Теплеев В. Т. Политический кризис в калмыцком обществе в конце 60-х и в начале 70-х гг. XVII века // Вестник КИГИ РАН. № 2. Элиста, 2008. 138 с.

Шовунов К. П. Калмыки в составе российского казачества (вторая половина XVII–XIX вв.). Элиста: Калм. кн. изд-во, 1992. 191 с.

Pallas P. S. Sammlungen historischer Nachrichten über die mongolischen Völkerschaften. Т. 1. SPb., 1776. 222 с.

УДК 323.3.01/.06 + 323.39
ББК 63.5

ЭТНИЧЕСКАЯ ГРУППА ДЕЕД ЛАМИН ШЕВНР: ИЗ ИСТОРИИ ШАБИНЕРОВСКОГО СОСЛОВИЯ ЯНДЫКОВСКОГО УЛУСА В XIX ВЕКЕ*

В. В. Батыров

В конце XVIII в. калмыцкое общество подразделялось на три основных сословия: привилегированное сословие нойонов и зайсангов (калм. *цаһан ясн* 'белая кость'), буддийское духовенство и сословие зависимых

от них калмыков-простолюдинов. Последнее сословие в свою очередь подразделялось на албату, кетченеров и шабинеров, которые составляли низший социальный слой калмыцкого общества (калм. *хар ясн* 'чер-

* Исследование выполнено по проекту «Ойратский мир: география расселения народов и топонимика» подпрограммы «Анализ и моделирование геополитических, социальных и экономических процессов в полиэтничном макрорегионе» Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Фундаментальные проблемы пространственного развития Российской Федерации: междисциплинарный синтез» (2009–2011 гг.).